

Считается, что комедийность, комизм, а также легкость и «веселость» в целом не типичны для творческой манеры Л. Н. Толстого. Строгий прежде всего к самому себе, беспощадный к собственным

---

* О жанровых и лингвостилистических особенностях комедии см. статью автора в предыдущем выпуске альманаха «Ковчег».

ошибкам и заблуждениям, ищущий истину, обретающий твердые основы и убеждения и вдруг отвергающий все и ищущий вновь, Толстой уверенно зарекомендовал себя как автор серьезный, тонкий и глубокомысленный, способный, по словам Н. Г. Чернышевского, отразить не только результат внутренней жизни героя, но и показать «самый процесс и едва уловимые движения этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с необычайной быстротой и неистощимым многообразием» [4].

Л. Н. Толстой многообразен в своем творчестве. Подлинный великий художник не ограничивает себя узкими рамками и не становится похожим на портрет, написанный одной краской. Оставаясь самим собой, в соответствии со своим мироощущением, он постоянно осваивает новые творческие формы, приемы, методы и подчас устремляется в противоположное — то, что, на первый взгляд, не свойственно его натуре и нетипично для его художественной манеры. В результате подобных поисков и устремлений рождаются те удивительные произведения, которых никто не ждал от автора и которые переворачивают уже сложившееся и устойчивое мнение о нем. К числу таких произведений относится пьеса «Плоды просвещения» — одна из вершин драматургического творчества Л. Н. Толстого (наряду с драмами «Власть тьмы» и «Живой труп»), единственная крупная оконченная комедия, над текстом которой автор работал более трех с половиной лет (начало осени 1886 — июнь 1890 гг.).

Основным признаком комедии как жанра является наличие комизма. В своей пьесе Л. Н. Толстой реализует комизм с помощью следующих приемов:

1. Языковая игра. В «Плодах просвещения» особую любовь к языковой игре проявляет Петрищев — молодой человек 28 лет, кандидат филологических наук. Его речь изобилует каламбурами, благодаря чему данный персонаж по своим речевым характеристикам является одним из самых ярких в комедии. Рассмотрим каламбуры, обнаруживающиеся в его речи.

По происхождению каламбуры делятся на внутриязыковые и межъязыковые [1, с. 52]. Случаи использования межъязыковых каламбуров в речи Петрищева единичны: например, во время диалога с Бетси (действие I, явление 35), когда фамилия *Мергасов* заменяется созвучным во французском языке словосочетанием *mère Gassof* (папаша Гасов):

«Бетси. <...> вы вчера были у Мергасовых?

Петрищев. Не столько у *mère Gassof*, сколько у *père Gassof*, и даже не *père Gassof*, а у *fils Gassof*. (*Игра слов*: Не столько у мамы Гасовой, сколько у папаши Гасова, и даже не папаши Гасова, а у сына Гасова)» [3, с. 121].

Остальные случаи использования каламбуров в речи Петрищева относятся к внутриязыковым, среди которых много примеров языковой игры, основанной на фонетическом сходстве слов и/или словосочетаний.

Вернемся к началу разговора героя с Бетси (действие I, явление 34): «Бетси. <...> Какие это у вас дела с Вово?

Петрищев. Дела? Дела *фи**-нансовые, то есть они, дела наши — *фи!* и вместе с тем *нансовые*, и кроме еще финансовые.

Бетси. Что же значит нансовые?

Петрищев. Вот вопрос! В том-то и штука, что ничего не значит!

Бетси. Ну, это не вышло, совсем не вышло! (*Хохочет.*)» [Там же].

Здесь мы видим яркий пример языковой игры, построенной на расчленении слова на отдельные элементы не по морфемному строению: в слове *финансовые* от корня отрывается первая часть *фи-*, которая превращается в междометие, выражающее презрение, отвращение. Таким способом герой дает понять Бетси, своей собеседнице, что их финансовые дела идут неважно: Петрищеву и Вово как членам «общества поощрения разведения старинных русских густопсовых собак» нужно платить взносы, а денег нет. Оба героя, согласно характеристике Л. Н. Толстого, «без определенных занятий» и «ищущие деятельности» [Там же, с. 101], поэтому единственный способ раздобыть деньги — это просить их у родителей. Каламбур не является удачным: в результате расчленения слова *финансовые* только первая его часть (*фи-*) обретает самостоятельное значение. Когда же Бетси спрашивает о значении элемента *нансовые*, Петрищев не находит, что ответить, чем вызывает смех героини.

На фонетическом сходстве слов, но уже во французском языке, основан и следующий каламбур (действие I, явление 35):

«Бетси. *Cessez, vous devenez impossible!* (Перестаньте, вы становитесь невыносимы!)

Петрищев. *J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédédé...* (*J'ai cessé* — я перестал. Далее игра созвучий. *J'ai bébé* — букв.: я имею малютку)» [Там же, с. 122].

В представленном ниже фрагменте (действие III, явление 19) герой, имитируя страх, меняет местами части слов (*ножки дрожат* — *дрожки ножат*):

«Петрищев (*дрожит*). Ой, боюсь, боюсь. Марья Константиновна, боюсь!.. *дрожки ножат*» [Там же, с. 167].

В следующем примере (действие IV, явление 5) Петрищев фонетически обыгрывает прозвище своего друга, барона Коко Клингена:

«Петрищев. <...> А, *Кокоша-Картоша!* Откуда?» [Там же, с. 181].

---

* Здесь и далее в примерах курсив наш (С. О.).

Продолжая беседу с бароном, герой изобретает новые слова путем соединения частей разных слов: репетиция + названия овощей (редька, морковь):

«Петрищев. А куда тебе еще?

Коко Клинген. Как куда? К Ивиным, спевка, надо быть. Потом к Шубиным, потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?

Петрищев. Как же, непременно. И на репетиции и на *морковетиции*. <...> Так заходи к Вово, вместе поедем на *редькотицию*» [Там же, с. 182].

Следующий тип языковой игры, встречающийся в речи Петрищева, — это «игра слов, основанная на многозначности, или омонимии» [1, с. 55]. В комедии молодые люди дворянского сословия с иронией относятся к спиритическим увлечениям старших. Это нашло отражение в сцене спиритического сеанса, когда Петрищев и Вово позволяют себе шутить, а также в сцене на кухне (действие II, явление 17), когда Гросман с завязанными глазами ищет ложку. Петрищев, разрушая мистическую атмосферу эксперимента, обыгрывает значение слова *зараза*, которое произносит барыня при виде мужиков (зараза как источник инфекции — зараза как некий злой дух, витающий над всеми в воздухе):

«Барыня. <...> Не дотрогивайтесь до них: они все в дифтеритной *заразе!* <...>

Петрищев (*сопит громко носом*). Дифтеритная — не знаю, а некоторая другая *зараза* в воздухе есть. Вы слышите?

Бетси. Полноте врать!...» [3, с. 152].

Реплика Бетси свидетельствует, что героиня не воспринимает слова Петрищева всерьез.

Еще одним вариантом языковой игры является использование прецедентного текста. В «Плодах просвещения» для достижения комического эффекта Петрищев цитирует стихи, а также строки из песен или романсов в новом для них контексте. Продолжая разговор с бароном Клингеном, Петрищев отвечает на реплику своего друга цитатами из стихотворений М. Ю. Лермонтова «Родина» и А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» в контексте, никак не связанном со смыслом данных произведений, что придает особый комизм сказанному:

«Коко Клинген. Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалопай!

Петрищев. А я его люблю. Люблю Вово, но “*странную любовь*”, “*к нему не зарастет народная тропа*”...» [Там же, с. 182].

Перед началом спиритического сеанса (действие III, явление 19) Петрищев отвечает на реплику Марьи Константиновны строкой из романса «Сомнение» М. И. Глинки на стихи Н. В. Кукольника:

«Бетси (*Петрищеву*). Я вам говорю, оставайтесь. Я вам обещаю необыкновенные вещи. Хотите пари?

Марья Константиновна. Да разве вы верите?

Бетси. Нынче верю.

Марья Константиновна (*Петрищеву*). А вы верите?

Петрищев. «*Не верю, не верю обетам коварным*». Ну, да если Елизавета Леонидовна велит...» [Там же, с. 167].

Придумывание шарад также является ярким примером языковой игры. В тексте комедии встречаются две песенки-шарады, сочиненные Петрищевым и спетые бароном Клингеном для Бетси и провожаемой ею дамы (действие IV, явление 6), и собственно шарада, которую Петрищев загадывает барону во время их беседы (действие IV, явление 5):

«Петрищев. Нет, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кин», мое второе то же, что «ка», а мое все далеко гоняет телят.

Кокко Клинген. Не знаю, не знаю. И некогда» [Там же, с. 182].

Сказанное свидетельствует о большой изобретательности Петрищева, о его склонности к различным языковым выдумкам. Однако эту черту характера своего героя автор обращает против него: знания, полученные в научной деятельности, пригодились Петрищеву лишь для развлечения.

2. Комизм, созданный особенностями речи персонажей. Сам Л. Н. Толстой считал язык главным, если не единственным средством выражения характера. По его словам, драматург должен сделать так, «чтобы каждое лицо говорило своим, свойственным его характеру, языком» [2, с. 239]. И в своей пьесе писатель характеризует персонажей через особенности их речи.

Диалоги народных персонажей наполнены разговорной, просторечной и диалектной лексикой. Данные особенности речи нередко являются средствами создания комизма: важно не только то, *что* герои говорят, но и *как* они это делают. Например, горничная Таня, беседуя с Федором Ивановичем (действие I, явление 8), неверно произносит существительное *спиритизм* и после замечания камердинера меняет только предлог (*о* — *об*):

«Федор Иванович. <...> (*К Тане.*) Кто это прошел?

Таня. Сахатов, Сергей Иванович, и еще доктор. Они тут постояли, поговорили. Все о *спиритичестве*.

Федор Иванович (*поправляя*). Об *спиритизме*.

Таня. Да я и говорю об *спиритичестве*» [3, с. 106].

Просторечие обнаруживается в речи как крестьян, так и слуг. Например, в диалоге лакея Григория с мужиками из Курской губернии (действие I, явление 36):

«1-й мужик. Это чьи же?

Григорий. Одна — барышня, а другая — *мамзель*, музыки учит.

1-й мужик. В науку производит, значит. А как аккуратна. Настоящий *патрет*. <...> А мужчинка-то тот, примерно, из *музыканциков*?

Григорий (*передразнивая*). Из *музыканциков*!.. Ничего-то вы не понимаете!» [Там же, с. 122].

Показателен в этом отношении диалог кухарки и мужиков (действие II, явление 6), когда героиня по-своему описывает увиденный ею бал хозяев:

«Кухарка. Вот ты бы, дядя *Митрий*, посмотрел балы у них. <...>

3-й мужик. А что ж, едят все?

Кухарка. *Куды* тебе? <...> Посмотрела я: барыни — страсть! <...>

Разряжены, разряжены, что куда тебе! А *по сих мест* голые, и руки голые.

3-й мужик. О господи!

2-й мужик. Тьфу, *скверность*!

1-й мужик. Значит, *клеймát* так позволяет. <...>

Кухарка. Так ведь что: как *вдарит* музыка, как *взыграли*, — сейчас это господа подходят каждый к своей, обхватит и пошел кружить. <...>

Старый повар (*высовываясь, хрипло*). Полька-мазурка это. Э, дура, не знает! — танцуют так...

Кухарка. Ну, ты, *танцорщик*, помалкивай знай. Во, идет кто-то» [Там же, с. 140—141].

Через диалоги слуг мы узнаем об их отношении к своим господам. В приведенном далее примере (действие II, явление 5) кухарка с сарказмом описывает «дела» дворян, выражает свою нелюбовь к хозяйке:

«Кухарка. Какие у них дела? В карты да в *фортепяны* — только и делов. Барышня, так та, бывало, как *глаза продерет*, так сейчас к *фортепянам*, и *валяй*! А эта, что живет, *учительша*, стоит, ждет, бывало, скоро ли *опростаются* фортепяны; как отделалась одна, давай эта *закатывать*. А то двое фортепян поставят, да по двое, вчетвером *запузыривают*. Так-то *запузыривают*, аж здесь слышно» [Там же, с. 139].

Средствами создания комизма могут выступать и сравнения. Например, в диалоге с крестьянами кухарка говорит, что хозяйева едят без перерыва, на что 2-й мужик замечает: «Как свиньи, в корыто с ногами» [Там же]. В данном случае сравнение *как свиньи* выражает безусловно негативное отношение крестьян к дворянам. Реплика 2-го мужика вызывает смех героев.

Помимо речи слуг, свои особенности имеет и речь господ. Например, толстая барыня, постоянно влезая в чужие разговоры (действие II, явление 18), проявляет свою несдержанность и невоспитанность:

«Толстая барыня (*вмешиваясь*). Нет, позвольте! <...> Когда я после своей болезни лежала без чувств, то на меня нашла потребность

говорить. Я вообще молчалива, но тут явилась потребность говорить, говорить, и мне говорили, что я так говорила, что все удивлялись. (*К Сахатову*.) Впрочем, я вас перебила, кажется?

Сахатов (*достойно*). Нисколько. Сделайте одолжение. <...>

Профессор. Позвольте, господа, не в этом дело.

Толстая барыня (*вмешиваясь*). Я в двух словах вам объясню. Когда мой муж был болен, то все доктора отказались...

Леонид Федорович. Пойдемте, однако, в дом. Баронесса, пожалуйста!

Все уходят, говоря вместе и перебивая друг друга
[Там же, с. 154—155].

Наблюдается явное противоречие между словами и поступками героини: толстая барыня говорит, что она «вообще молчалива», однако во всех сценах, где она появляется, разговаривает много и не по делу. Таким образом, Л. Н. Толстой высмеивает пустословие, невоспитанность и неумение выслушать других собеседников.

3. Комизм, проявляющийся в сценической ситуации. Таких примеров достаточно много. Все они, как правило, связаны с обличительной стороной пьесы.

В своей комедии Л. Н. Толстой высмеивает увлечение дворян спиритизмом. Следующий пример (действие I, явление 22) наглядно иллюстрирует, как в простом бытовом факте господа замечают сверхъестественное явление и объясняют его проявлением «медиумических» способностей мужика, не пытаясь разобраться в истинной причине происходящего:

«Леонид Федорович. <...> у нас в доме один мужик, и тот оказался медиумом. На днях мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диван — и забыли про него. Он, вероятно, и заснул. И, представьте себе, наш сеанс уж кончился, <...> и вдруг мы замечаем, что в другом углу комнаты около мужика начинаются медиумические явления: стол двинулся и пошел.

Таня (*в сторону*). Это когда я из-под стола лезла» [Там же, с. 113].

Благодаря реплике горничной мы узнаем настоящую причину движения стола.

В следующем примере (действие I, явление 29) Л. Н. Толстой с иронией описывает поведение одного из своих героев: Василий Леонидыч, будучи молодым, сильным и энергичным человеком, кандидатом юридических наук, ничем не занимается и распляется на членство в различных обществах, тратя на них все свое время и родительские деньги. На примере деятельности этого молодого человека автор показывает, как порой бессмысленно молодые люди дворянского сословия тратят силы и средства:

«Василий Леонидыч. Нет, я тебе сейчас скажу: это новое общество. Очень, я тебе скажу, серьезное общество. <...>

Федор Иванович. В чем же это новое общество?

Василий Леонидыч. Общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак. А что? И я тебе скажу: нынче первое заседание и завтрак. А вот денег-то нет! Пойду к нему, попытаюсь. *(Уходит в дверь.)*» [Там же, с. 118—119].

Название общества — пародия на типичное название популярных в Российской империи обществ: в различные годы существовали императорское общество поощрения художников (с 1820-х гг.), общество поощрения духовно-нравственного чтения, организованное В. А. Пашковым (1876—1884 гг.), общество поощрения трудолюбия (1865—1873 гг.) и т. п.

Далее мы видим результат этой попытки: Леонид Федорович отказывает сыну в выдаче денег. В. Л. Звездинцев возмущен (действие I, явление 31):

«Василий Леонидыч. Вот это всегда так. Право, удивительно. То говорят мне, отчего я ничем не занят, а вот когда я нашел деятельность и занят, основалось общество серьезное, с благородными целями, тогда жалко каких-нибудь триста рублей!..» [Там же, с. 119].

В приведенном фрагменте Л. Н. Толстой иронизирует по поводу легковесного отношения молодого человека к отцовским деньгам: триста рублей в XIX веке — довольно крупная и значительная сумма. Получив отказ от отца, Василий Леонидыч идет просить деньги у матери и добивается желаемого. Встретив Петрищева, герой хвастается другу, что у него «мертвая хватка» [Там же, с. 129], в чем также отражается авторская ирония: «хватка» героя проявляется в умении выпрашивать деньги у родителей, а не зарабатывать их самостоятельно.

В третьем действии комедии важное место в сатирическом плане занимает спиритический сеанс. После того как Таня «проконсультировала» Семена, какие «чудеса» он должен сотворить во время сеанса, чтобы барин подписал бумагу о продаже земли крестьянам (явление 15), горничная прячется под диваном, а в комнату входят участники спиритических опытов во главе с хозяином дома. Непосредственно перед сеансом (явление 19) Леонид Федорович просит профессора Кругосветлова «объяснить вкратце» суть спиритизма. И далее следует долгая и нудная речь профессора о сущности спиритизма, занимающая почти две страницы текста комедии. Даже сам Леонид Федорович пожалел о том, что дал профессору слово:

«Леонид Федорович. Да; но нельзя ли, Алексей Владимирович, несколько... сократить?» [Там же, с. 170].

Участниками сеанса предпринимается попытка усыпить «медиума» Семена. Гросман демонстрирует свой способ «усыпления субъекта», который не отличается особой оригинальностью: автором в ремарке отмечается, что гипнотизер «машет руками над Семеном, Семен закрывает глаза и потягивается» [Там же, с. 172]. Очевидно, что дей-

ственность и эффективность данного способа усыпления сомнительна: Семен не засыпает по-настоящему, а лишь умело притворяется, что уснул. Он делает это настолько хорошо, что даже вызывает восторг у гипнотизера:

«Гросман (*приглядывается*). Засыпает, заснул. Замечательно быстрое наступление гипноза. Очевидно, субъект уже вступил в анестетическое состояние. Замечательно, необыкновенно восприимчивый субъект и мог бы быть подвергнут интересным опытам!..» [Там же, с. 172].

После долгой речи профессора перед началом спиритического сеанса со словом выступает и сам Леонид Федорович. Он сообщает о том, что духи на сеансах обычно сами рассказывают о себе («кто он и зачем пришел, и где он, и хорошо ли ему?») [Там же, с. 171]) и упоминает о якобы явившемся на последнем сеансе духе испанца дона Кастильоса, который «должен был вновь родиться на землю и потому не мог закончить начатого с нами разговора» [Там же]. Из этой речи толстая барыня делает совершенно наивный вывод, и Леонид Федорович поддерживает ее:

«Толстая барыня (*перебивая*). Ах, как интересно! Может быть, испанец у нас в доме родился и маленький теперь.

Леонид Федорович. Очень может быть» [Там же].

Такой же наивный вывод толстая барыня делает и во время сеанса: она принимает изображенный Василием Леонидычем плач ребенка за сверхъестественное явление и решает, что монах, дух которого «удалось вызвать» на сеансе, родился, подобно испанцу, «появившемуся» во время прошлого спиритического опыта:

«Толстая барыня. Я хочу спросить о своем желудке. Можно? Я хочу спросить, что мне принимать, аконит или белладонну?

Молчание, шепот в стороне молодых людей, и вдруг Василий Леонидыч кричит, как грудной ребенок: “Уа! уа!” Хохот. Захватывая носы и рты и фыркая, девицы с Петрицевым убегают.

Ах, это верно, и этот монах опять родился!» [Там же, с. 175].

Сеанс кончился. Профессор спешит узнать состояние «медиума» Семена (явление 20):

«Профессор (*поспешно*). Доктор, доктор, пожалуйста, температуру и пульс. Вы увидите, что сейчас обнаружится повышение. <...>

Доктор (*к профессору*). Пульс тот же, но температура понизилась» [Там же, с. 177—178].

Услышав, что состояние «медиума» оказалось прямо противоположным его прогнозам, профессор тут же находит своей ошибке научное оправдание:

«Профессор. Понизилась? (*Задумывается и вдруг догадывается.*) Так и должно было быть,— должно было быть понижение! Двой-

ная энергия, пересекаясь, должна была произвести нечто вроде интерференции. Да, да» [Там же, с. 178].

Четвертое действие меньше насыщено комическими событиями. Тем не менее, в нем имеются очень показательные в речевом и событийном отношении эпизоды. Например, в 11-м явлении, во время разговора Петрищева и В. Л. Звездинцева:

«Василий Леонидыч. Ну, хорошо, я пойду собак посмотрю, в кучерскую. Кобель один, так зол, что кучер говорит, чуть не съел его. А что?»

Петрищев. Кто кого съел? Неужели кучер съел кобеля?

Василий Леонидыч. Ну, ты вечно... *(Одевается и уходит.)*» [Там же, с. 186].

Василий Леонидыч так строит свое высказывание, что действительно становится непонятно: то ли пес чуть не съел кучера, то ли кучер — пса. Данный пример также является своеобразным каламбуром в речи господ.

В 17-м явлении происходит драка между Семеном и лакеем Григорием:

«Григорий. Я хоть в должности лакея, но я имею свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать. <...> Семен ваш набрался храбрости, что он с господами сидел. Драться лезет.

Барыня. Да что у вас было?

Семен *(улыбаясь)*. Да так, он Таню, горничную, все хватает, а она не хочет. Вот я его отстранил рукой... так, маленьчко.

Григорий. Хорошо отстранил, чуть ребра не сломал. И фрак разорвал. <...>» [Там же, с. 189].

По реплике Григория мы можем в действительности оценить, насколько «маленьчко отстранил» его от Тани Семен.

И наконец, важное место занимает развязка конфликта. Барыня узнает о проделках горничной Тани и рассказывает об этом мужу и профессору (явление 22). Но ярые любители спиритизма не желают смотреть правде в глаза, поэтому все решается в пользу Тани и крестьян:

«Барыня. <...> Вчера никаких ваших медиумических явлений не было, а это она *(указывая на Таню)* <...> в темноте и на гитаре играла, и мужа по голове била, и все глупости ваши делала, и сейчас призналась.

Профессор *(улыбаясь)*. Так что же это доказывает?

Барыня. Доказывает, что ваш медиумизм — вздор! Вот что доказывает.

Профессор. Оттого, что эта девушка хотела обманывать, от этого медиумизм — вздор, как вы изволите выразаться? *(Улыбаясь.)* Странное заключение! Очень может быть, что девушка эта хотела обманывать: это часто бывает; может быть, она что-нибудь и делала, но

то, что она делала,— делала она то, что было проявлением медиумической энергии,— было проявлением медиумической энергии. Даже весьма вероятно, что то, что делала эта девушка, вызывало, солици-тировало, так сказать, проявление медиумической энергии, давало ей определенную форму.

Барыня. Опять лекция!..

Профессор (*строго*). Вы говорите, Анна Павловна, что эта де-вушка, может быть, и эта милая барышня что-то делали; но свет, кото-рый мы все видели, а в первом случае понижение, а во втором — по-вышение температуры, а волнение и вибрирование Гросмана,— что же, это тоже делала эта девушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нет, Анна Павловна, есть вещи, которые надо исследовать и вполне понимать, чтобы говорить о них,— вещи слишком серьезные, слишком серьезные...

Леонид Федорович. А дитя, которое ясно видела Марья Васи-льевна! Да и я видел... Это не могла же сделать эта девушка» [Там же, с. 192].

Реплика Леонида Федоровича создает дополнительный сатириче-ский и разоблачительный эффект: после спиритического сеанса тол-стая барыня, впечатленная произошедшим, стала оживленно рассказы-вать о якобы увиденном ей «младенце с крылышками» и «монахе в черном одеянье» [Там же, с. 177]. Никто из участников сеанса тогда не воспринял ее слова всерьез. Однако в споре с супругой, когда возникла необходимость привести как можно больше аргументов в пользу спи-ритизма, Л. Ф. Звездинцев вспомнил и об этих видениях и привел одно из них как «неоспоримое доказательство» в дополнение к аргументам профессора. Сказанное свидетельствует о том, что фанатичные сто-ронники спиритических опытов для подтверждения своей точки зре-ния готовы опираться на любые факты, в том числе и на игру вообра-жения.

Таким образом, комизм в пьесе Л. Н. Толстого «Плоды просвеще-ния» реализуется с помощью следующих приемов:

1) языковая игра (наиболее широко представлена в речи Петрище-ва: в его репликах встречаются как межъязыковые каламбуры, ко-гда, например, фамилия *Мергасов* заменяется созвучным во француз-ском языке словосочетанием *mère Gassof* (папаша Гасов), а также внутриязыковые, среди которых обнаруживаются каламбуры, ос-нованные на фонетическом сходстве слов и/или словосочетаний (*нож-ки дрожат — дрожки ножат, Кокоша-Картоша* и др.); каламбуры, возникающие благодаря многозначности слов (обыгрывание разных значений слов *зараза* и др.); создание новых слов путем сложения начала и конца других слов (*редькотуция, морковетуция*), придумы-вание шарад и использование прецедентного текста (цитаты из стихо-творений М. Ю. Лермонтова «Родина» и А. С. Пушкина «Я памятник

себе воздвиг нерукотворный...», приведенные в комическом ключе, и др.);

2) лексический состав речи персонажей (разговорные и просторечные лексемы в репликах народных персонажей: *спиритичесство, танцорицик, музыканцик, учительша, патрет, фортепьяна* и др.);

3) ситуативные характеристики: диалоги господ и слуг, поведение персонажей, события пьесы и т. д.

Комизм в пьесе проявляется в большей степени в сатирическом виде, чем в юмористическом, поскольку главная задача автора — указать на недостатки дворянского общества. Л. Н. Толстой в своей комедии выделяет очень важную и актуальную для его времени проблему: повальное увлечение спиритизмом, безделье дворян и использование своих знаний, образованности и эрудиции не во благо Отечеству, а для развлечения. Будучи просвещенными людьми и своеобразно понимая это просвещение, дворяне пожидают соответствующие плоды, становясь объектом осмеяния. Именно поэтому безграмотные крестьяне и слуги оказываются намного мудрее представителей высшего сословия. Критикуя дворян, Л. Н. Толстой, тем не менее, не идеализирует образы крестьян и слуг, на стороне которых он выступает. Подобная характеристика объясняется стремлением автора показать жизнь во всей ее правде, создать не абстрактную пьесу, а реалистическую комедию, в которой достоверно отразятся известные автору проблемы и реалии.

Список литературы:

1. Вороничев, О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / О. Е. Вороничев.— Москва, 2014.— 723 с.

2. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. / подг. текста и коммент. А. П. Сергеенко, В. С. Мишина.— Т. 35. Произведения 1902—1904 гг.— М.: Худож. лит., 1950.— 709 с.

3. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко.— Т. 11. Драматические произведения. 1864—1910 гг.— М.: Худож. лит., 1982.— 503 с.

4. Чернышевский, Н. Г. Детство и Отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы Графа Л. Н. Толстого (СПб., 1856 г.) [Электронный ресурс] / Н. Г. Чернышевский.— Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0240.shtml (дата обращения 23.11.2018).

